

ИССЛЕДОВАНИЯ

А.И. Терюков, А.К. Салмин

ПЕРВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ОДЕЖДЫ НАРОДОВ ВОЛГО-КАМЬЯ

В понятие «Волго-Камье» мы включаем крупный регион, охватывающий бассейны рек Волга и Кама, где проживают марийцы, мордва, татары, удмурты и чуваша. Традиционная культура этих народов или имеет прямое отношение к наследию Волжской Булгарии, или испытала ее сильное влияние. Общность основы культуры сформировала много общего и в одежде этих народов. Чем ближе исторически мы приближаемся ко времени существования Волжской Булгарии, тем больше общего можем обнаружить. Поэтому самые ранние реальные образцы костюма народов Волго-Камья, зафиксированные в различных источниках, имеют архиважное значение.

Известно, что в коллекциях Кунсткамеры XVIII в. имелись образцы одежды народов Волго-Камья [Салмин, Терюков 2010: 42–51; Терюков, Салмин 2010: 158–162]. Самые ранние экспонаты оказались в музее в результате академических экспедиций в Сибирь во втором и третьем десятилетиях XVIII в. Если учесть, что эти вещи были изготовлены в тот период, а часто и ранее, то можно говорить об образцах одежды по крайней мере второй половины XVII в. и даже XVII в. в целом. Более ранних свидетельств об одежде народов Волго-Камья пока не обнаружено. В Кунсткамере до пожара хранились вещи этнографического характера и археологические предметы, добытые на территории собственно Волжской Булгарии. Так, в Каталоге Ивана Тауберта от 1748 г. под № 65 («Шкап XXII») записано: «Семь кусков каменных разноцветных вырыты на кладбище в разоренном месте в Булгарии» [Тауберт Иван. Л. 85].

Первоначально большая часть собрания экспонатов музея была зарисована, получилось не менее 4000 рисунков. На сегодня из них обнаружено более двух тысяч рисунков [Кистемакер и др. 2003: 5–15]. Теперь исследователи пытаются выяснить, где, кем и когда выполнялись эти рисунки. Обычно рассматриваются три локуса: 1) в поле во время экспедиции самими собирателями, 2) позднее в Петербурге в бывшем дворце царицы Прасковьи Федоровны или 3) в самом здании Кунсткамеры.

За редким исключением авторы рисунков не оставляли нам ни свои фамилии, ни подписи. Однако по составленным тогда рукописным и опубликован-

ным каталогам экспонатов, а также по сохранившимся в архивах рисункам можно с определенной долей вероятности провести реконструкцию музейных шкафов с выставленными предметами.

Рассматриваемую проблему следует решать в широком контексте сложившихся к этому времени обстоятельств в Кунсткамере. Здесь очень важны и личности, и взаимоотношения между сотрудниками, и сложившиеся ситуации в Академии наук. Но в центре внимания остаются вещи, составлявшие коллекцию первой выставки одежды народов Волго-Камья, а также рисунки с этих вещей.

Как поступали вещи

Экспонаты в Кунсткамеру поступали из специальных академических экспедиций и в виде даров от отдельных лиц. Так, в 1715 г. — от заводчика Н.Д. Демидова, в 1716 г. — от князя М.П. Гагарина, в 1734 г. — от И.Г. Гмелина, в 1737 г. — от Г.Ф. Миллера и др. В 1739–1740 гг. по высочайшему повелению шел активный сбор одежды разных народов России и заморских народов для проведения маскарада, известного в истории как «Ледяной дом». В 1740 г. поступила коллекция из экспедиции в Березово И.-Н. Делиля, а после пожара 1747 г. — знаменитая коллекция П.С. Палласа. Но наиболее интересной гипотезой можно считать поступление большинства самых первых экспонатов академического музея из экспедиции Д.Г. Мессершмидта. Сегодня рядом исследователей предпринимаются попытки реконструкции первых коллекций Кунсткамеры [Копанева 2011: 226–233].

Даниел Готлиб Мессершмидт родился 16 сентября 1685 г. в Данциге (Гданьске), умер 25 марта 1735 г. в Санкт-Петербурге. В Галле изучал медицину и ориенталистику. Медицинский факультет закончил в 1708 г., а в 1713 г. защитил диссертацию [Новолянская 1962: 231–239; 1970; Титова 1978: 5–14]. Здесь же учились два брата Блюментроста — Иоганн Деодат и Лауренсиус, с которыми Мессершмидт был знаком [Messerschmidt, Pallas 1782: 98; Winter 1953: 318; Mühlpfordt 1998: 66–70]. Впоследствии судьба сведет их в Санкт-Петербурге в ранге служебного подчинения: Деодат станет президентом Медицинской канцелярии АН, а Лауренсиус (известный как Лаврентий Лаврентьевич) — президентом АН.

Имевший прекрасное для того времени образование по естественным наукам, особенно по зоологии, минералогии и ботанике, Даниил Мессершмидт был приглашен в Россию в 1716 г. [Копанева 2013: 174–180] После часовой беседы Петра I и Даниила Мессершмидта 5 ноября 1718 г. появляется указ «О посылке доктора Мессершмидта в Сибирь для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, коренья и семян, и прочих статей в лекарственные составы избирая, присылать в Санктпетербург в главнейшую аптеку» [Пекарский 1862, 1: 352]. Этот указ ставил ученого в непосредственное подчинение Медицинской канцелярии (точнее — ее архиатеру и президенту медицинского факультета И.Д. Блюментросту), куда он должен был присылать «мемории» и все собранные материалы и откуда должна была производиться выплата ему жалованья и прогонных денег. Земляк и знакомый по Галле Иоганн Блюментрост сыграл в дальнейшем весьма неприглядную роль в судьбе Д.Г. Мессершмидта.

Даниил Мессершмидт «5 сентября [1719 г.] выехал в свите посольства, направлявшегося в Китай» [Элерт 2009: 14]. На карте путешествия Д.Г. Мессершмидта по маршруту «Москва — Тобольск» на реке Волга имеется отмеченный красными точками его путь до населенного пункта *Rebotky* (на правом берегу после Нижнего Новгорода). Затем пунктир следует вверх по суше от Казани и далее. На этой карте отмечены топонимы *Sabaczar*, *Kokzaga*, *Ciwilski*, река *Bala*, город *Simbirski* и т.д. [Messerschmidt D.-G. Карта маршрута]. В его дневниках указан следующий путь: «1719 г., октябрь, 13 — Nische-nowoi-gorod, Wassili-gorod, Cosma-Damiankoi-gorod, Damianskoi-monastir, Sabackschag-gorod, Sundyr-Sehlo, Kokschag-reka, Tschum-gorod, Sioioskÿ gorod, Swiaga-reka, Marquascha-derewna, Casan-gorod... 19 октября. 1727 г., 5 января — Вятка-река. 9 января — Mammiokscha-reka, Sosfnowoi-woloschmei-bor, Spaskoi-selo, Wolga-reka, Cosma-Damianskoi-gorod и т.д.» [Messerschmidt D.-G. Sibiria perlustrata. Л. 17–53]. В Петербург он прибыл в марте 1727 г. [Messerschmidt D.-G. Документы по делу ареста. Л. 3].

Известные нам архивные и опубликованные источники позволяют говорить о доставке Д.Г. Мессершмидтом в Кунсткамеру из своей восьмилетней Сибирской экспедиции коллекции вещей, относящихся в том числе и к народам Волго-Камья. Собирал он их в период с 5 сентября по 24 декабря 1719 г. по пути в Сибирь по маршруту «Нижний Новгород — Казань» и с 5 по 19 января 1727 г. при возвращении из Сибири в Петербург по маршруту «Хлынов — Волга — Нижний Новгород». Как видим, у него на это было более четырех месяцев. Кроме того, он мог воспользоваться для этой цели и уже имеющимися собраниями на местах. Например, известно, что он был на Строгановских приисках и занимался там сбором этнографических и археологических предметов. Как верно замечают исследователи, «собирать эти предметы не входило в круг его обязанностей, и он платил за них собственные деньги» [Андреев 1949: 125]. Как отмечал один из исследователей его жизни Е. Винтер, «многие предметы и вещи, в первую очередь из коллекции национальных костюмов, Мессершмидт приобрел на свое жалованье» [Винтер 1971: 10]. И это правда. Поскольку Д.Г. Мессершмидт был отправлен в экспедицию для изучения флоры и фауны и сбора их образцов, то сбор волго-камских этнографических предметов не входил в его задачу ни по теме, ни по региону. Поэтому дневниковые записи Мессершмидта по интересующим нас народам не носят системный характер. В Волго-Камье он собирал вещи по своей инициативе. Это обстоятельство потом послужило основной причиной раздора между ним и Академией наук в лице Иоганна Блюментроста.

Д.Г. Мессершмидт старался закупать народные костюмы в комплекте. Его особенно интересовала одежда, в которой люди совершали жертвоприношения и которую надевали в дни праздников. Так, запись в удмуртской деревне Балезино гласит: «Около 2¹/₂ часов по полуночи наконец с огромным трудом сумел полностью собрать <разное> тряпье, относящееся к женскому костюму» [Напольских 2001: 85]. Он тут же записал список предметов, входящих в этот комплект: льняные штаны, льняные чулки *чуглес*, лыковые башмаки *кут*, нижняя рубаха *дэрэм*, нагрудник *кабачи*, льняной кафтан *шотдэрэм* с поясом *зар*, шелковый воротник *сирес*, головной убор *ашкон*, *сюлык*, белое пальто *дукес*. Далее Д.Г. Мессершмидт отмечает: «Приказал для начала целиком запаковать, опечатать и обозначил <как> Уд этот вяд-яхский или уд-муртский

женский костюм, который я имею намерение в будущем поместить в моем музее на кожаном набитом паклей болване или манекене» [Там же]. Как видим, дневник исследователя неопровержимо свидетельствует о его намерениях собирать образцы одежды для Кунсткамеры.

Д.Г. Мессершмидт был настолько активен и так увлечен, что, кроме сбора вещей, тут же набрасывал заметки исследовательского плана. Позже академик П.С. Паллас, публикуя отрывки из дневника Д.Г. Мессершмидта, напишет о нем: «Мессершмидт владел отличной ученостью, часто писал дневник всю ночь до утра, записывая все, что за день узнал и собрал, оставляя сну лишь несколько часов. Удивляешься, что этот человек сделал один, тем более что он во всем соблюдал излишнюю даже пунктуальность» [Messerschmidt 1962: 8]. Черты настоящего ученого у Д.Г. Мессершмидта подчеркивал и Г.Ф. Миллер: «Он не только был прилежным собирателем, но и описывал, [на уровне, присущем] настоящему ученому <...> Он был наделен также талантом классифицировать их в соответствии с принятыми тогда [принципами]» [Миллер 2006: 575].

Так, в декабре 1726 г. уже на обратном пути, в районе удмуртской деревни Юска Д.Г. Мессершмидт в своем дневнике пишет: «Костюм удмуртских женщин из крапивной <или> конопляной ткани, а именно — из штанов и чулков, и обуви, сплетенной из лыка, из крапивной <или> конопляной рубахи с узкими рукавами до кистей рук, поверх которой они надевали другую, спереди полностью распашную рубаху с длинными рукавами» [Напольских 2001: 78]. Далее он также впервые в истории удмуртской этнографии подробно описывает женский головной убор *ашкон*: «Над чепцом они носили высокий головной убор в фут высотой и почти такой же в ширину, <сделанный> из бересты, покрытой белой крапивной тканью, и спереди надо лбом на половину высоты вышитый разноцветными шерстью и шелком, и украшенный множеством стеклянных бус или разноцветной эмалью (по-русски бисер) и четыремя-пятью горизонтальными рядами свинцовых копеек. На верхушке головного убора прикреплен четырехугольный белый крапивный <или> конопляный платок, который сзади свисает до верхней части шеи, а также, подобно французским женским капорам или кауффлорам, может быть при желании опущен на лицо спереди» [Там же].

Коллекции, собранные Даниилом Мессершмидтом, везли в столицу в шести больших туго набитых ящиках. Кроме того, были разные тюки. Считается, что его экспедиционные коллекции весили 4 тонны. Академия наук хотела, чтобы все привезенные ящики сразу же поступили в распоряжение Императорской Кунсткамеры. А собиратель, в свою очередь, хотел, чтобы они некоторое время были у него дома. Он хотел сам привести коллекцию в некую систему, дописать начатый в поле каталог к вещам и организовать экспозицию из них. Об этих намерениях он писал в Академию наук еще в 1725 г. из Сибири: «Несмотря на отказ в помощниках, я старался по мере сил и возможности, — при поддержке и милосердии Всевышнего, — выполнять все то, что мог сделать один, своими собственными руками. Как в предшествовавших рапортах, так и по моем возвращении, я прилагал и буду прилагать все свои силы к тому, чтобы подвести итоги возложенным на меня весьма трудным поручениям и окажусь в состоянии представить удобный для пользования каталог» [Мессершмидт Д.Г. Переписка...]. Таким образом, Д.Г. Мессершмидт планировал отобрать из ящиков свои личные вещи и привести в порядок экспонаты, затем

всю коллекцию отдать в Кунсткамеру. Именно на этой почве возникли разногласия между руководством академии и собирателем: администрация требовала немедленно сдать привезенные вещи в Кунсткамеру, а он хотел сначала отобрать личные вещи и привести в систему все остальное [Материалы для истории... 1890: 151–152]. Д.Г. Мессершмидту из академии письменно сообщили, что статейным списком займются другие профессора и одновременно из бывшей его квартиры служащие без спроса стали забирать сундуки и тюки.

В сентябре 1727 г. Д.Г. Мессершмидт обращается с письмом к императрице. Он напоминает, что был послан в Сибирь для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей по указу самого Петра I [Материалы для истории... 1885: 288–290]. Будучи в Сибири, он оправил 22 отчета президенту Медицинской канцелярии Ивану Блюментросту и президенту Академии наук Лаврентию Блюментросту. Исследователь также пишет, что занят составлением большого поштатейного списка собранным вещам. Притом ему за 1727 г. жалованья не платили. А в марте того года квартиру, где проживал ученый, опечатали вместе со всеми привезенными вещами, а ему пришлось съехать на другую. В то же время хозяин прежней квартиры требует у него денег, как за проживание, так и за хранение вещей. В конце письма к императрице ученый просит предоставить ему условия для завершения описания собранных в восьмилетней экспедиции вещей. После чего он обещает все вещи и списки отдать в Академию наук. Кстати, отправленные Д.Г. Мессершмидтом из экспедиции ящики «продолжали поступать в течение всего 1728 года» [Винтер 1971: 6].

В ноябре 1727 г. Д.Г. Мессершмидту вручается императорский указ, чтобы он представил подлинные документы о расходах денег за время экспедиции (о подводах, средствах передвижения с указанием верст и т.д.) [Материалы для истории... 1885: 293–294]. А в декабре того же года президент Медицинской канцелярии И.Д. Блюментрост издает две промемории, в которых напоминает, что профессора Шумахер, Дель-Иле, Бейер и Буксбом еще в апреле были назначены для свидетельства и обсервации привезенных из Сибири доктором Мессершмидтом «куриозных» вещей. Но назначенные лица до сих пор не приступили к осмотру, хотя вещи находятся в Медицинской канцелярии [Там же: 296–297].

В контексте разбора вещей, привезенных Д.Г. Мессершмидтом, ценно свидетельство Г.Ф. Миллера, который вел протокол комиссии. В этом протоколе, в частности, отмечено: «Вещи [находились] в множестве больших и маленьких ящиков и пакетов. Все они были в том виде, в каком они были опечатаны печатями тамошней губернской канцелярии. Из них шесть [ящиков], наполненных всякого рода произведениями природы, господин Мессершмидт предназначил для продажи и снабдил особыми ярлыками, по которым все они были точно определены. Однако остальные вещи, как он считал, должны были быть ему возвращены как ему принадлежащие, независимо от того, были ли среди них произведения природы» [Миллер 2006: 574]. В постановлении комиссии сказано, чтобы все древности и редкости (в том числе предметы одежды тех или иных сибирских народов), а также книги сохранить в Академии наук, чтобы обогатить ими императорскую Кунсткамеру. В письме к императору от 21 декабря 1727 г. Даниил Мессершмидт жалуется, что не может продолжить работу над коллекциями, которые он собирал в течение 1719–1727 гг., а также говорит о том, что вместе с коллекциями «и собственные мои пожитки забраны... без остатку» [Messerschmidt D.-G. Документы по делу ареста... Л. 3].

В январе 1728 г. по отношению к нему появляется следующая промемория, где оговаривается: «Понеже опасно, ежели доктор Мессершмидт отпущен будет в свое отечество, чтобы он не публиковал о книгах, о описании и о курьезных вещах» [Материалы для истории... 1885: 348]. Известно, что самыми первыми ценителями собрания Даниила Мессершмидта были профессора Делиль, Беэр и Буксбом. Первый признал, что карты по географической науке сочинены изрядно, второй усмотрел удивительные антиквитеты, а третий загорелся желанием иметь подлинные ботанические вещи. Так как никто из профессоров не мог сделать точную атрибуцию вещей, Д.Г. Мессершмидту опять сообщают, чтобы он без всякого отлагательства являлся в Академию тогда, когда его позовут профессора для истолкования некоторых вещей. Работа академической комиссии по приему коллекций, привезенных Д.Г. Мессершмидтом из экспедиции по Сибири, шла с января по август 1728 г. [Летопись Российской академии наук 2000: 64].

В конце концов, устав от академического беспредела, в августе 1728 г. Д.Г. Мессершмидт решает уехать к себе на родину. «А задерживать меня здесь не за чем. И которых, якобы оставшихся у меня плантов спрашивают и ригиалов, а у меня их нет», — заявляет он [Материалы для истории... 1885: 393]. Он также ходатайствует о выдаче ему паспорта и удержанных жалований. Ему хочется уехать до закрытия водных путей. Притом из-за невозможности решения его вопросов он обещает больше не обращаться в академию, а будет писать в Верховный тайный совет.

В журнале поступления вещей в Кунсткамеру есть такая краткая запись: «1741 сентябрь — окт. О покупке книг у Д-ра Мессершмидта. О требовании от Канцелярии конфискации курьезных вещей» [Журнал материальных поступлений музея. Л. 1 об.]. Можно полагать, что второе предложение о конфискации курьезных вещей также относится к Д.Г. Мессершмидту. Хотя к этому времени после смерти ученого прошло уже шесть лет, тем не менее среди его личных вещей на квартире вдовы могли быть предметы, собранные им в Сибирской экспедиции.

В справочнике по МАЭ, изданном в 1928 г., дана очень высокая и правильная оценка стараниям Д.Г. Мессершмидта. Видимо, автором этой брошюры был Л.Я. Штернберг: «Первым подлинным этнографическим поступлением в Кунсткамеру в 1727 г. нужно считать богатые коллекции по различным народностям Сибири, собранные натуралистом Мессершмидтом» [Музей антропологии и этнографии 1925: 3]. Таким образом, Д.Г. Мессершмидта можно смело назвать основателем этнографических коллекций Кунсткамеры и первым исследователем этнографии народов Волго-Камья.

Другим лицом, имевшим отношение к изучаемой коллекции, был художник и гравер Г.И. Унферцагт. В 1719–1720 гг. он находился с посольством Л.В. Измайлова в Цинской империи. Кстати, именно с посольством Л.В. Измайлова Д.Г. Мессершмидт проделал путь от Москвы до Тобольска. То есть и Д.Г. Мессершмидт, и Г.И. Унферцагт проделали совместный путь по Волго-Камью. Будучи в Пекине, Г.И. Унферцагт в 1721 г. был отправлен одним из участников посольства Лоренцом Лангом в Россию для доставки изготовленных в Китае обоев для царского дворца. Г.И. Унферцагт записал в своем дневнике по пути в Сибирь: 17 октября 1719 г. «в 10 часов утра мы прибыли к деревянному монастырю, возвышавшемуся на правом берегу реки Волги в 4 милях

от Кузмадемианского; считается, что от монастыря полпути до города Сабаксар. Наконец к вечеру, проплыв 8 миль, или по-русски 40 верст, мы прибыли в Сабаксар. Этот город довольно большой, расположен на правом берегу Волги. Утром 18 октября мы прибыли в местечко, называемое Сундыр, раскинулось оно на правом берегу Волги в 4 милях от Сабаксара. Приблизительно через 1 милю мы приплыли в большую деревню, которая в прежние времена была городом, называвшуюся Ишум. Здесь мы не останавливались, а двинулись дальше. 19 октября в 8 часов утра мы прибыли в город Сутаски. Расположен он на горе справа от Волги в 80 верстах, или 16 милях, от Сабаксара, очень красивый. Здесь живут свиагер, или так называемые свияжские татары. Они очень хорошие люди. Во время езды сухим путем я наблюдал их местные обычаи и образ жизни, о чем упомяну на обратном пути. Здесь в Волгу впадает река Свияга, протекающая мимо города, от нее и город получил название. Здесь мы не останавливались, а двинулись дальше. Когда мы добрались до деревни Маркважи, отстоящей от города Свиаски в 2 милях, перед нашим взором вдали появился столичный город Казань. В деревне мы не остановились и в тот же день прибыли в местечко, отстоящее от Казани в 7 верстах <...> 17-го мы прибыли в Казань. На следующий день, 18-го, я выехал отсюда и 23-го прибыл в Нижний» [Unverzagt 1725: 20–21; Унферцагт 1978: 5].

Таким образом, первые образцы одежды народов Волго-Камья, поступившие в Кунсткамеру, мы склонны датировать 1719 и 1726–1727 годами, т.е. периодами проезда Даниила Мессершмидта и Георга Унферцагта по маршруту «Кузмадемьянск — Сабаксар — Казань — Хлынов и обратно» [Messerschmidt D.-G. Карта маршрута], а не 1725–1760 гг., как это делают авторы книги «Нарисованный музей» [Кистемакер и др. 2003: 5].

Уже после издания первых каталогов вещей, имевшихся в Кунсткамере до пожара 1747 г., сюда продолжали поступать новые коллекции этнографических предметов. Об этом свидетельствуют и рукописные дополнения, сделанные в опубликованных каталогах 1741 и 1744 гг. Так, в этнографическом разделе имеются пометки: «Что было включено в имп. Кунсткамеру уже после завершения каталога 1744 г., относящиеся к описанию северных племен», «Перечень того, что передал студент Крашенинников в августе 1743 г.» [Станюкович 1978: 34] и т.д. Однако эти вещи уже не относятся к изучаемому нами региону. Тем не менее остается открытым вопрос: были ли привезены образцы одежды народов Волго-Камья участниками Камчатской экспедиции. Возможно, что да. Об этом имеется одно косвенное свидетельство. Например, в архивной записи имеется такая оговорка: «Профессор Миллер в канцелярию Академии наук отдал разное платье сибирских народов и прочих вещей и древностей, которые явствуют по особливому отдельно поданному реэстру» [Миллер Г.Ф. Реестры, индексы, каталоги, регистры. Л. 141–142 об]. Реестр был составлен И.Г. Гмелиным и Г.Ф. Миллером в 1744 г. и на нем есть подписи, в том числе: Gerard Friderich Müller. Но этот «особливо отдельно поданный реэстр» пока не обнаружен.

Кто зарисовывал вещи

История рисовального искусства начала XVIII в. в России имеет прямое отношение к изучаемой нами теме. Первая регулярная рисовальная школа была

организована при Санкт-Петербургской типографии, основанной в 1711 г., а в 1727 г. гравировальщики были переведены во вновь открытую типографию АН. Так, Федор Черкасов учился в Италии живописному и рисовальному искусству и в 1729 г. он пытался устроиться учителем рисования в Академическую гимназию. И.Д. Шумахер распорядился освидетельствовать его в мастерстве, после чего ему поручили зарисовать экспонаты Кунсткамеры. Но очень скоро выяснилось, что Федор Черкасов «явился ленив, возложенных на него обязанностей не выполнял, но пьянствовал», поэтому в том же 1729 г. он был уволен из АН [Стецкевич 2003: 44, 47].

У нас пока нет оснований приписать авторство рисунков с предметов одежды народов Волго-Камья художникам того времени Г.А. Качалову, И.А. Соколову и Ф.Г. Маттарнови, хотя все трое зарисовывали вещи, привезенные в 1727 г. Д.Г. Мессершмидтом. Известно, что они срисовали всего 14 предметов из его коллекции — в первую очередь предметы, добытые из сибирских погребений, например, № 249, 251 [Рисунки предметов, хранившихся в Кунсткамере].

В 1732 г. ученик Марии Доротеи и Георга Гзелей А.А. Греков по распоряжению хранителя академического музея И.Д. Шумахера был переведен в Кунсткамеру на должность смотрителя анатомических и зоологических коллекций. Его основной обязанностью стал надзор за сохранностью коллекций, однако в штате АН он по-прежнему числился учеником живописного искусства. Его кисти принадлежат самые ранние из сохранившихся рисунков с экспонатов Кунсткамеры [Рисунки предметов, хранившихся в Кунсткамере]. Это кирпичи с эмблемами, привезенные из Швеции, и другие западноевропейские предметы. В 1737 г. А.А. Греков был аттестован Георгом Гзелем на звание подмастерья. Одновременно получил назначение «при анатомии и в Кунсткамере живописное дело исправлять». Он много рисовал как музейные коллекции, так и анатомические препараты для профессоров анатомии И. Вейтбрехта и А. Каау-Бургаве. Архивные дела пестрят его требованиями о покупке карандашей, кистей, красок, бумаги для рисования «разных куриозных вещей» [Стецкевич 2003: 47].

Исходя из изложенного можно предположить, что Федор Черкасов и А.А. Греков не могут считаться авторами интересующих нас рисунков: первый проработал очень короткое время, а второй преимущественно был занят рисованием анатомических препаратов и минералогических образцов.

Живописец Иоанн Деккер (Decker) принимал участие в Сибирской экспедиции. Однако, по свидетельству И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера от 1744 г., он специализировался на травах и птицах [Канцелярия Императорской Академии наук: Академические палаты: Личные дела. Л. 36–43]. Тем не менее рисунки из Камчатской экспедиции в Кунсткамеру поступали. Об этом гласит и архивная запись. Так, в реестре отправленных и привезенных в Петербург предметов числятся «восемь рисунков черемисского, чувашского, вотяцкого и татарского платья» [Миллер Г.Ф. Реестры, индексы, каталоги, регистры... Л. 131 об.].

Распоряжением по Императорской АН от 28 апреля 1747 г. прибывшему из Камчатской экспедиции живописцу И.Х. Беркхану следовало срисовывать имеющиеся на верхней галерее Кунсткамеры платья азиатских народов [Материалы для истории... 1895: 441]. Из текста распоряжения неясно, идет ли речь

о коллекции или об одном платье. Как писала по этому поводу Т.К. Шафрановская, имеющиеся рисунки не позволяют установить, которые из них принадлежат И.Х. Беркхану [Шафрановская 1965: 152]. Видимо, речь идет об образцах одежды не народов Волго-Камья, а народов Сибири и Камчатки. В любом случае творчество этого художника в рамках Кунсткамеры ограничивается 1747–1751 гг.

Ученик-гравировальщик Максим Рыков, писавший довольно посредственно, работал над зоологическими изображениями (змеи, ящерицы, летучие мыши, горные козлы, крокодилы и обезьяны) из Северной Америки, Калмыкии и Китая [Карпеев, Шафрановская 1996: 114].

Интересно, что находящийся на л. 53 об. — 54 рисунок местности под названием «*Labirintus Naturis mirabilis*» — видимо, пещера близ Кунгура — помещена в книге Ф.И. Страленберга. Автором этого рисунка является один из шведских военнопленных, находившихся в Сибири, — И.А. Матерн [Strahlenberg 1730: XII tabl]. Даниилу Мессершмидту в Сибири одно время помогал Карл Шульман, так же шведский военнопленный. В 1721 г. он сопровождал Даниила Мессершмидта в Барабинской степи и срисовывал бубны, а в 1722 г. на Енисее — изображения и знаки с камней, а также камень, изображающий усатого старика, наскальные рисунки [Мессершмидт Д.Г. Извлечения из путевого дневника... Л. 26–27]. Как видим, и Карл Шульман не может быть отнесен к числу лиц, причастных к рисункам одежды народов Волго-Камья.

В то же время в сохранившемся путевом дневнике Даниила Мессершмидта имеются рисунки, подписанные автором. Например, цветной рисунок растения *Calceolus*, под которым рукой самого Мессершмидта отмечено: «Рисовал в Тобольске 20 мая 1720 г.» [Messerschidt D.-G. Ephemerides... 1720–1722... Л. 39]. Далее следуют другие рисунки с аналогичными подписями. Д.Г. Мессершмидт, находясь в экспедиции, часто срисовывал чучела птиц и другие вещи, повесив их на гвоздь [Messerschidt D.-G. Ephemerides... 1720–1722... Л. 82]. Рисунки выполнялись как карандашом, так и акварелью. Об этом говорит подпись «Рисовал Д.Г. Мессершмидт» на ряде сохранившихся листов [Рисунки предметов, хранившихся в Кунсткамере в XVIII в. Л. 46, 286, 294, 314].

В экспедиции к Д.Г. Мессершмидту были прикреплены два денщика, а обещанные два русских рисовальщика так и не появились. Если в Сибири ему удалось воспользоваться услугами художников-земляков, то в Волго-Камье таких помощников у Д.Г. Мессершмидта не было. О том, что вещи приходилось срисовывать самому, ученый не раз писал в Академию наук [Messerschidt D.-G. Ephemerides... 1717–1729... Л. 114–116]. «Сенсационными были его зарисовка пещерных и наскальных рисунков доисторического периода и древней эпохи. Он подтвердил находки скелетов мамонтов» [Винтер 1971: 7]. О том, что Д.Г. Мессершмидт из экспедиции присылал и рисунки, свидетельствовал работавший в то время в академии молодой Г.Ф. Миллер, выполнявший канцелярские и протокольные поручения. По этому поводу Г.Ф. Миллер пишет конкретно: «Со своего путешественного маршрута он часто посылал в Медицинскую канцелярию донесения, описания и рисунки» [Миллер 2006: 575]. Таким образом, можно предположить, что почти все вещи, собранные в экспедиции, Д.Г. Мессершмидт тут же срисовывал.

По рисункам, выполненным в экспедиции Д.Г. Мессершмидтом, гравированы таблицы ботанического труда И. Аммана. Книга была напечатана

в издательстве «Petropoli» в 1739 г. Здесь помещены 34 листа иллюстраций-иконок. Заставки были исполнены Ф.Е. Маттарнови [Гравировальная палата 1985: 14, 206].

В 1721–1722 гг. библиотекарь и смотритель Кунсткамеры И.Д. Шумахер по поручению Петра I ознакомился с музеями и библиотеками Франции, Германии, Голландии и Англии. В ходе своего турне он выступил на заседании Парижской Академии наук. Представив карту Каспийского моря, И.Д. Шумахер сообщил также об описании птиц Сибири, выполненном Д.Г. Мессершмидтом. Из газеты «Gazette de France» узнаем, что он взял с собой рисунки птиц, археологических находок, часть которых сделал Д.Г. Мессершмидт [Копанева 2004: 7]. Мы не исключаем, что среди рисунков, взятых для иллюстрации в Парижской АН, были и рисунки образцов одежды народов Волго-Камья.

М.Г. Новлянская в своей книге о Д.Г. Мессершмидте, в частности, пишет: «Блюментрост обвинил Мессершмидта в желании утаить некоторые привезенные из Сибири вещи, подлежащие сдаче в Кунсткамеру. В качестве примера он привел случай с гравером Академии наук Г.И. Унферцагтом, у которого обнаружили несколько рисунков, переданных ему Мессершмидтом для снятия копий <...> Академии наук Мессершмидт был не нужен, не нужен даже для систематизации переданных им материалов, так как эта работа была проделана им еще в бытность его в Сибири. Его материалы нуждались только в авторской обработке для их опубликования, а в этом <...> не были заинтересованы ученые Академии наук, которым было поручено разобраться в материалах Мессершмидта» [Новлянская 1970: 154–156].

Г.И. Унферцагт (Unvertzagt Georg Johann) родился в конце февраля 1701 г. в Копенгагене, умер 30 апреля 1767 г. в Петербурге. Его фамилия в переводе с немецкого значит «Бесстрашный». Г.И. Унферцагт — «сын немецкого придворного гравера» [Семенцов 2004: 422]. С 1726 г. состоял в штате Академии наук в качестве мастера ландкартно-словорезного дела. Об этом в бумагах АН сделана запись за подписью президента: «По указу Ея И.В., велено при академии наук Юрию Иогану Унфорцахту быть грьдоровальщиком и определить ему жалованья сто двадцать рублей на год, квартиру, дрова и свечи. И выдать ему на нынешний 1726 год, с 15-го июня сентября по первое число, жалованья двадцать пять рублей, с роспискою, и на счет академический поставить» [Материалы для истории... 1885: 192]. А 15 ноября того же года Л.Л. Блюментрост своей рукой выписывает жалование «грьдоровальщику Унфорцахту 40 рублей» [Канцелярия Императорской Академии наук. 1726 г. Л. 33]. Это было за год с лишним до возвращения из экспедиции Д.Г. Мессершмидта.

Жил Г.И. Унферцагт в доме генерала Бона на Васильевском острове [Канцелярия Императорской Академии наук. 1734–1736 гг. Л. 618]. Этот дом назван по имени генерала Г.И. Бона, также проживавшего там. Вообще дом вместе с садом выходил как на 1-ю, так и на 2-ю линии. Его еще называли «Ботаническим», так как квартировали в нем профессора ботаники. В этом же деревянном доме на каменном подвале жили «грьдоровальщики» Адам Вортман и Оттомар Эллигер. В 1740-х годах сюда поселили М.В. Ломоносова. Теперь на этом месте между Средним и Малым проспектами находится здание школы (дом № 43 по 2-й линии). Соседом Г.И. Унферцагта был прадед Пушкина А.П. Ганнибал. На 2-й же линии жил библиотекарь Кунсткамеры Иван Шумахер.

С открытием типографии АН в 1727 г. Г.И. Унферцагта переводят туда. В 1728 г. в типографии АН работали девять граверов, среди них — гравер литер и карт Г.И. Унферцагт. В 1720–1740-х годах Г.И. Унферцагт много работал по переводу рисунков на медные листы, т.е. занимался гравировкой [Prosés-verbaux des séances de l'Académie Imperiale des sciences depuis sa foundation jusqu'à 1803. Т. I. Л. 16, 151, 153]. В делах Канцелярии АН имя штатного мастера живописи Г.И. Унферцагта значится на многих листах — в приказах, инструкциях, переписках, в ведомостях о зарплате, отчетных рапортах о выполненных работах. Так, в списке личного состава учреждения АН (фактически заменявшем современные трудовые книжки) за 1733 г. значится, что Georg Unvertzag работает с июня 1726 г., получает 300 рублей. Притом в этом списке все другие сотрудники имеют стаж работы в АН меньше, чем Г.И. Унферцагт, на 1 год и более. Среди них Ottomar Elliger, Joh. Georg Köhler, Philip Matternovÿ (так!), Frantz Berntz, Gregorii Katschalov, Ivan Sokolov [Канцелярия Императорской Академии наук: Приказы, инструкции... Л. 1 и др.]. В архиве много других документов и автографов о Георге Унферцагте как о «гридоровальном мастере». Так, в январе 1735 г. он написал прошение «о выдаче ему прошлого 734 года за октябрь и за ноябрь месяцы жалованья всего 50 рублей». На этом документе стоит пометка «вершеное» [Канцелярия Императорской Академии наук. 1735–1740 гг. Л. 73]. В Академических палатах вели тетрадь о приходе и уходе служителей, куда всем следовало собственноручно вносить часы работы «по утру и после обеда». В списке служителей Российской и немецкой типографии за 1744 г., например, фигурируют сотрудники ландкартного и словорезного дела Георг Унферцагт, Михайла Махаев, Андрей Поляков и др. Притом в тетради часто отмечалось, что М. Махаев болел [Канцелярия Императорской Академии наук: Записные тетради... Л. 13–30]. В мае 1728 г. Георг Унферцагт написал объяснительную записку по делу Д.Г. Мессершмидта и свидетельствовал, «что он со многих его, доктора Меснершмидта, плантов и курioзных вещей рисованных копий снимал» [Материалы для истории... 1885: 382]. Но в связи с тем, что руководство Академии наук сильно давило на Д.Г. Мессершмидта, уже в августе того же года гравер Г.И. Унферцагт стал утверждать, что доктор Д.Г. Мессершмидт заставлял его срисовывать привезенные им вещи. А в разговоре с президентом Медицинской канцелярии Иоганном Блюментростом, непосредственно курировавшим дела Д.Г. Мессершмидта, Георг Унферцагт и вовсе отрицал рисование им вещей, привезенных из экспедиции Даниилом Мессершмидтом [Там же]. Хорошо осведомленный о натянутых отношениях Даниила Мессершмидта с руководством академии, Георг Унферцагт не рисковал ставить подписи под своими рисунками с вещей из Сибири. В такой ситуации он вынужден был дистанцироваться от земляка.

Иначе говоря, Георг Унферцагт, помимо рисования вещей, привезенных из Волго-Камья и Сибири, делал копии с рисунков, выполненных Д.Г. Мессершмидтом. Таким образом, можно констатировать, что с некоторых вещей имелись как рисунки-оригиналы, преимущественно выполненные самим Д.Г. Мессершмидтом, так и копии с этих рисунков, выполненные Г.И. Унферцагтом.

Георг Унферцагт также готовил гравюры на меди планов императорского столичного города Санкт-Петербурга. Например, сохранились планы-карты от 1737 и 1741 гг., являющиеся первыми русскими печатными планами города,

составленными на основании топографической съемки, проводившейся Петербургской Академией наук с 1729 г. [Унферцагт Г.И. План Императорского столичного города]. Он же изготовил гравюру Генеральной карты Российской империи [Унферцагт Г.И. Генеральная карта]. Это первая генеральная карта Российского государства, созданная на научной основе с использованием материалов инструментальной съемки и новейших экспедиционных данных. Г.И. Унферцагт был учителем художника-гравера М.И. Махаева, впоследствии прославившегося многочисленными гравюрами видов Санкт-Петербурга. И.А. Соколов, Г.А. Качалов, Ф.А. Бернц, Г.М. Абумов, А.И. Поляков, Дж.Г. Кёхлер, Андрей Греков, Филипп Маттернови, Яков Нечаев и Андрей Спиридонов также его ученики. Все они и другие «гридорованного, ландкартного и каменорещицкаго дела подмастерья» проходили обучение у мастера Г.И. Унферцагта [Канцелярия Императорской Академии наук: Записные тетради... Л. 1]. В июне 1743 г. мастер Г.И. Унферцагт «по определению Канцелярии Академии наук отрешен» от работы, а вместо него поставлен его ученик — «ландкартного и словорезного художества подмастерье Михайла Махаев» [Канцелярия Императорской Академии наук. 1743—1747 г. Л. 341]. С 1746 г. Георг Унферцагт работал мастером в Морском шляхетном кадетском корпусе.

Д.Г. Мессершмидт и Г.И. Унферцагт опирались прежде всего на традиции рисовального искусства Западной Европы, который они усвоили до прибытия в Россию. До 1720-х годов в России своего опыта по созданию научных рисунков еще не было, Петербургская академия только создавалась, а собственные художники еще находились на стадии обучения. Конечно, очень странно, что авторы книги «Нарисованный музей» даже не включили Д.Г. Мессершмидта и Г.И. Унферцагта в список художников, создавших «Нарисованный музей», в то время как их ученики в списке занимают основное место.

Что касается рисунков с вещей из Волго-Камского региона, поступивших после издания в 1741 г. 2-го тома «*Musei Imperialis Petropolitani*», в частности свадебных платков и покрывал на подушку, и размещенных наряду с ранее поступившими вещами в шкафу № X по этому каталогу, то они, естественно, выполнялись в условиях музея [*Musei Imperialis Petropolitani* 1741]. Об этом свидетельствует манера рисования и единые стандарты листов бумаги. Для определения времени их выполнения следует рассмотреть период с 1741 по 1747 г., т.е. период от издания 2-го тома «МІР» до пожара в Кунсткамере, а не только 1747 г., как это полагает Л.П. Павлинская [Павлинская 2003: 253—256]. Подлежит уточнению и мнение Т.К. Шафрановской о том, что рассматриваемые вещи срисовывались в 1732—1752 гг., и предположение З.Д. Титовой о выполнении зарисовок в 1738 г. [Титова 2003: 22].

На основе анализа приведенных данных в целом мы можем датировать рисунки с образцов одежды народов Волго-Камья, хранившихся в Кунсткамере, 1719—1747 гг. Авторами большинства рассматриваемых рисунков являются Д.Г. Мессершмидт и Г.И. Унферцагт. Что касается рисунков, присланных из Камчатской экспедиции, их авторство остается неизвестным.

К вопросу о месте хранения экспонатов

Поскольку в справочнике «*Musei Imperialis Petropolitani. Vol. II*», изданном в Петербурге в 1741 г., перечисляются интересующие нас вещи, хронология

их сбора и доставки в Кунсткамеру очерчивается нами 1719—1741 гг. В этой же книге (т. I, раздел 3) дано несколько зарисовок с вещей. Известно, что у Д.Г. Мессершмидта по возвращению из Сибири в Петербург были изъяты все предметы, собранные в экспедиции, в том числе и те, которые он назвал личными. Из них «куриозные» были изъяты для академии, прочие возвращены хозяину. Все эти вещи были «взяты в кунст-камору» [Материалы для истории... 1885: 382]. Основная масса предметов Кунсткамеры была сосредоточена на галерее. Как установила Т.В. Станюкович, «всего на “галдырейке” было 22 шкафа, в шести из которых размещалась выставка одежды (в двух экспонировалась одежда народностей, живущих “в Сибири и других провинциях Российского государства”, в одном — одежда зарубежных народностей, а в трех остальных хранились “колдовская одежда, ведемские шаманские барабаны и идолы языческих народностей России”). В каждом шкафу имелись дополнительные тематические градации и размещалось в зависимости от размера от 20 до 50 предметов» [Станюкович 1978: 37; *Musei Imperialis Petropolitani* 1741]. Описание Кунсткамеры в издании 1741 г. [Палаты Санкт-Петербургской Академии наук 1741: 17—18, табл. V], а также каталог, составленный Иваном Таубертом после пожара в 1748 г. [Тауберт Иван. Каталоги всем вещам и книгам... 1—98 об.] позволяют утверждать, что экспонаты Д.Г. Мессершмидта находились в шкафах под № 9—14 на западной галерее второго этажа, где ныне размещены шкафы с библиотечными книгами (слева и справа от входа). На планах Императорской Библиотеки и Кунсткамеры первой половины XVIII в. этот локус обозначали как «Сам. ВВ».

Д.Г. Мессершмидт, еще находясь в экспедиции, сортировал и классифицировал собранные вещи. Исходя из своей типологии он разложил их в шесть ящиков и в таком порядке привез в Петербург. Затем в Кунсткамере они были выставлены в шести шкафах. Возможно, что номера ящиков и шкафов совпали. Потом уже с этих предметов были исполнены рисунки, которые опять были разложены в шесть папок в соответствии с номерами шкафов. И здесь цифра «6» не мистика, а классификация, предложенная самим собирателем.

Шкаф № X вмещал большую часть коллекции одежды народов Волго-Камья. Согласно справочнику «МІР» (р. 97—98), они экспонировались в шкафу (*Scrinium*) № X под № 53—87. Среди них — верхняя мужская одежда, рубахи, пояса, чулки и т.д. Однако, как заметила Л.Р. Павлинская, «количество имеющихся рисунков на 9 единиц превышает число экспонатов в этом шкафу, включенных в МІР». «И действительно, — пишет Л.Р. Павлинская, — в 1747 г., видимо, незадолго до пожара в Кунсткамеру пришла большая (свыше 50 предметов) коллекция предметов по культуре народов Сибири и Поволжья» [Павлинская 2003: 255]. Но следует учесть, что книга-каталог «*Musei Imperialis Petropolitani*» вышла в свет в двух томах, причем в 1741 г. был опубликован второй том, а только в 1747 г. — первый. Список интересующих нас экспонатов по шкафу № X вошел как раз во второй том. Поэтому о дополнительном поступлении вещей с Поволжья следует говорить не только с 1747 г., но и с более раннего — начиная с 1741 г. В данном случае речь идет о свадебных платках, а точнее, о платках, пришиваемых на плечи жениха. В литературе они известны под двумя названиями — *сулак* (*сюлык*) и *кёрү тутри*. Согласно пометкам, имеющимся на рисунках, в шкафу № X таких платков было 10 штук, и обозначались они как «татарские скатерти». Кроме того, в их числе были две наволочки на свадебные подушки.

В Архиве РАН в фонде Канцелярии Академии наук и Комиссии Академии наук, охватывающем 1719–1803 гг., нами обнаружено, что до пожара 1747 г. в Кунсткамере имелась «синяя чувашская шапка с серебряною маковкою». Хранилась она в шкафу № XI [Тауберт Иван. Каталоги всем вещам... Л. 68 об., № 100]. К сожалению, рисунок этого предмета до сих пор не обнаружен. Этим экспонатом мог оказаться девичий головной убор *тухъя*, богато украшенный серебряными монетами. Возможно, он, как и рисунок с драгоценного предмета, был передан в свое время в Эрмитажный фонд.

В Архиве Академии наук имеется один интересный документ, датированный 1739 г. и рассказывающий о подготовке к т.н. «Ледяной свадьбе».

«В Десианс Академию

Известие

Понеже по имянному Ея Императорского Величества указу готовится некоторой маскарат, к чему потребно ис платья, имеющегося в Десианс Академии в натуре разных народов, а имянно: мордовского, черемисского, чувашского, вотяцкого, тунгусского, лопанского, самоедского и протчих сибирских народов и одну острабацкую лотку.

Того ради чтоб повелено было: означенных народов платье, тако ж и острабацкую лотку к тому приуготовлению маскарата прислать с кем надлежит.

Обер секретарь Авраам Сверчков

Декабря 27 дня 1739 году...

Чтоб повелено было здесь подлинное известие учинить о азиатских народах, подданных Ея Императорскому Величеству, и о соседях: сколько оных всех есть и которые из них самовластные были, и как их владельцы назывались со описанием платья, в чем ходят, и гербов на печатях или на других, на чем и на каких скотах ездят, и что здесь в натуре есть платья и таких ербов.

Например:

мордва, чуваша, черемиса, вотяки...

В Академию наук о следующих народах имеется известие и описании, а имянно: черемисы в делах камчатских, причем восемь рисунков, тако ж о платье их чуваша жен находятся...

вотяки мордва описаны в итценской и штрлаенбергской, северной и восточной башкирцы татарии, тако ж де и их платье все или по частям в кунст каморе находятся.

Требовать в десианс академии, чтоб с нижеследующих куншты, буде нет, то хотя по собранию и описанию из книг скупштовать, как ходят в таком уборе, по цветам описать, пожаловать сего дня...

№ 17 мордвов, черемис, вотяков, чуваш, ижерския здесь есть саморские бабы и мужики по одному» [Канцелярия Императорской Академии наук. 1739 г. Л. 281–285 об.].

Из реестра, составленного тем же Авраамом Сверчковым, узнаем, что среди вещей, побывавших на «Ледяной свадьбе», значатся, в частности: «Кафтаны мордовских и чувашских белых, с прошивами красными и синими, четыре: под №№ 3-м, 10-м, 22-м, и один без номера. Один кафтан башкирской китайчетой и при нем кичка с жестяными копейками». Однако после маскарада не все вещи вернулись на место. Так, Авраам Сверчков, возвращая вещи и

список в Кунсткамеру, признает, что не достает «осьми кафтанов мордовских и чувашских белых с прошивками» [Материалы для истории... 1887: 367–368].

Т.В. Станюкович по этому поводу писала: «Экспозиция отдела, посвященного народностям, населяющим Россию, имела в своем составе предметы, освящающие культуру и быт марийцев, мордвы, чувашей, татар, калмыков, бурят, монголов, эвенков, саамов, ненцев, хантов, якутов, эвенов, коряков, юкагиров, ногойцев и др.» [Станюкович 1978: 38].

Как видим, по состоянию на 1747 г. в коллекциях Кунсткамеры имелась по крайней мере одежда башкир, мордвы, марийцев, русских, татар, удмуртов и чувашей.

В 1907 г. Л.Я. Штернберг и его коллеги утверждали, что некоторые взятые на маскарад вещи могли позже оказаться опять в фондах Кунсткамеры. Об этом, в частности, имеется такое замечание: «Есть, правда, указание на то, что при разборке на одном из костюмов, имеющихся налицо, был найден ярлычок (?) с пометкой, что костюм был в употреблении на маскараде, но уже при последующей разборке, при окончательном выставлении этих данных установить больше не удалось» [Штернберг и др. 1907: 90].

Позже Д.К. Зеленин констатировал, что «в основание отдела европейских народов легли 115 предметов, из которых 29 происходят еще из Кунсткамеры» [Зеленин Д.К. Описание коллекций, описи вещей... Л. 1]. Возможно, речь идет о вещах не из коллекций Даниила Мессершмидта, которые к этому времени сгорели, а более позднего происхождения, в частности от участников академических экспедиций екатерининского времени, в первую очередь от П.С. Палласа. Однако нельзя отказаться и от версии, согласно которой некоторые принадлежности одежды народов Волго-Камья, взятые на маскарад, после пожара были возвращены в Кунсткамеру. Речь идет о коллекции № 766, зафиксированной как палласовская¹. Как известно, П.С. Паллас лично разбирал имущество покойного Д.Г. Мессершмидта [Эренсверд 2009: 257]. Поэтому гипотезу о том, что в коллекцию П.С. Палласа могли попасть вещи Д.Г. Мессершмидта, следует тщательно проверить.

Место хранения рисунков в Кунсткамере

Хранились эти рисунки с экспонатов Кунсткамеры в 58 коробках на первом этаже в зале Кунсткамеры под шифром «UU» [Musei Imperialis Petropolitani 1741: 97–98]. На планах об этом кабинете написано: «Миниатюрные водяными красками сделанные картины и при том оригинальные рисунки всем в Кунсткамере находящимся вещам» [Собрание гравюр (с гравированных досок) XVIII в. Л. 23]. Они были выполнены на листах разного формата и разной плотности. Некоторые нестандартные, с неровными краями, а иногда и просто с порванными углами и краями. Часть из них сильно испачкана. Срисовываемые вещи чаще всего подвешены на случайные гвозди. Все это говорит о том, что рисунки выполнялись не в соответствующих академических условиях. Сюда же можно добавить факт анонимности (т.е. отсутствие подписей рисовальщиков) рассматриваемых нами рисунков. В целом рисунки выполнены на

¹ МАЭ РАН, отдел Европы, колл. 766. Поступила в XVIII в. от П.С. Палласа. Число номеров 11, предметов 11. Первичную опись составлял Б.Е. Петри.

высоком профессиональном уровне. Они точно передают все пропорции, детали и колорит. Следует согласиться с высказыванием Л.Р. Павлинской о том, что рисунки представляют своего рода «фотокаталог» [Павлинская 2003: 255].

В 1922 г. часть рисунков в количестве 571 листа из шести папок-футляров из Музея антропологии и этнографии взял академик И.А. Орбели под расписку во временное пользование. В Архиве РАН сохранилась опись этих рисунков, переданных в Государственный Эрмитаж 12 декабря 1922 г. сроком на три месяца [Описи рисунков предметов Кунсткамеры]. Она занимает 11 листов и представляет собой подробный список, отражающий надписи на рисунках. Например: «Папка № 146 (надпись на фронт. стор.). Лист 3, 1 рис. акварелью. М. Р., р. 98 Morgwin (каранд.), Scr. X, п. 87; Лист 104. 1 лист, рис. аквар. Черемисы? (каранд.); объяснение (мало разборч.); 23 (в ниж. прав. углу)» и т.д.

Пожар

В ночь с 4 на 5 декабря вскоре после полуночи в Кунсткамере в правом флигеле над Рисовальной палатой случился пожар. Историки Кунсткамеры, как правило, обходятся фразой, что причиной несчастья послужила неисправность печи и трубы. Однако объяснительные записки абсолютно всех сотрудников Кунсткамеры, составленные уже на следующий день после пожара, отвергают такое подозрение. Свидетели в один голос говорят, что «печи в Рисовальной и других палатах были твердые, и трубы чищенные с недели до того» [Канцелярия Императорской Академии наук. 1747–1750 гг. ... Л. 35]. Печь была топлена 4-го числа, а в 4 часа пополудни была совсем закрыта. Дневальный ученик Рисовальной палаты и истопник утверждали, что «от печи никаким образом тому пожару произойти невозможно». Буквально за час с лишним до обнаружения пожара в Кунсткамере произошло следующее. С вечера до полуночи на карауле у входа в здание стоял солдат Михайло Телной. Около полуночи в Кунсткамеру пришли рисовальщики — студент Василей Кузнецов и ученик Дмитрий Красиков. У них с собой был фонарь. Они пробыли на башне около часа и рисовали. При этом темное помещение освещали фонарем, для чего в фонарь ставили горящую свечу. Когда они выходили, на карауле уже стоял солдат Евсей Ленин. При допросе этот часовой вспомнил слова ученика, сказанные при выходе из здания Кунсткамеры «на первом по полуночи часе» о том, что тот почувствовал запах гари. Но часовой не счел нужным подняться и проверить [Канцелярия Императорской Академии наук. 1747–1750 гг. Л. 37–41]. А вскоре этот сторож и вовсе «пропал безвестно» [Биярский 1865: 62].

Кроме того, к этому времени в Кунсткамере был полнейший беспорядок в рабочих кабинетах. Причину неразумного размещения сотрудников, мебели и инструментов описал биограф М.В. Ломоносова академик П.С. Биярский. Иоанн Шумахер, желая причинить беспокойство своим соперникам (прежде всего Михаилу Ломоносову и Андрею Нартову), посоветовал перенести Канцелярию АН в Рисовальную и «Грыдоровальную» палаты. Мастера и их многочисленные инструменты были разведены по разным углам. После пожара пошли разные слухи, также направленные на обвинение неугодных лиц. Якобы печи были неисправны, будто близ трубы лежало бревно, кое от топки и загорелось. Поговаривали и о поджоге [Биярский 1865: 62]. Как утверждал

1747 г. Солдат Евсевей у
Смолькии нажил парашкой Одыатв
Побавишного Пехотного полка Михаила
Телной допрашивая и показавъ;

Ха
4
4 числа сего декабря стояла она нааса
всемьямъ Ширинца снотного ходатаи Евсея
и малора жепотни наоной отпорои пою
Пополудни восьмой девятой десяттой
Одиннадцатой и двенадцатой часи
Жопехъ де часи съото ширинца нишпа
впередъ и ширинца пехотными ираме одното
спудниа попорой ширинца впередъ хари
всая ширинца одинъ малый аманъ
и въ зовятъ незнаетъ, что была
пополудни въ первомъ часу отпыха
они сошли оъ второго часу часа шти
нихъ была свая вобораче снотнымъ
ианъ пуха пани жопуха сошли аиа
пуха поши попуа взяли въто жпога
обашни илюе попорой пани вдали
побасы иво оной хранитца всегда по
часамъ, аманъ они отпале соши жпога
помянутой манши. Товорилъ елихъ и
иакетца также Торемихъ накто о пави
люде быти шпакетъ одрвяннѣ по
новъ, аонъ телной собди ишамова
Затпахъ несвѣхалъ для того что о
стоялъ всемяхъ поудъ содо иаменнѣ
жопото места гдѣ заторелосъ напоболоне.

Рис. 1. Протокол допроса солдата Евсевей Ленина
о пожаре в Кунсткамере 1747 г. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 112. Л. 41

М.В. Ломоносов, причиной пожара была искусственно созданная теснота в помещениях Кунсткамеры. Согласно М.В. Ломоносову, Иоанн Шумахер никогда не пропускал обстоятельства, чтобы не воспользоваться каким-нибудь образом потеснить своих соперников. «Для того присоветовал перенести Канцелярию в Рисовальную и Грыдоровальную палату, а рисовальное дело перебраться в бывшую тогда внизу под нынешнею Канцелярию Механическую экспедицию, где имел заседание Нартов, который для сего принужден был очистить место, рушить свое заседание, а инструменты и мастерские разведены по тесным углам. Сие ж было причиною академического пожара» [Ломоносов 1957: 281]. Сгорела, свидетельствовал Михаил Васильевич, вся галерея с сибирскими и китайскими вещами.

Таким образом, в поиске причины пожара мотив неосторожного использования фонаря со свечой в беспорядочных палатах выглядит более правдоподобным, чем вполне исправные печь, труба и земляная насыпь вокруг печи.

Пожар привел к потере большей части уникальных коллекций. На следующий день Иоганн Шумахер и Иван Тауберт в рапорте президенту АН графу К.Г. Разумовскому, в частности, отмечали, что «згорели разные китайские вещи, платья Сибирских разных народов и идолы, бубны и оных подобные вещи» [Канцелярия Императорской Академии наук. 1747–1750 гг. ... Л. 15 об.]. Среди них оказались и образцы одежды народов Волго-Камья. Но, к счастью, остались прекрасные и точные рисунки, выполненные как самими собирателями, так и мастерами Рисовальной палаты Петербургской Академии наук, ибо папки с этими рисунками хранились на первом этаже, наименее пострадавшем от пожара.

Стремясь оценить ущерб и составить более или менее точный список утраченных предметов, Канцелярия Академии наук 11 декабря сделала распоряжение о наискорейшей подаче ведомости от Библиотеки и Кунсткамеры об утраченных в Академических палатах книгах и вещах. Однако составление такой ведомости оказалось сложным из-за разброса вещей. Например, в рапорте от 11 декабря 1747 г. живописец Академии наук Иоганн Беркхан по поводу пожара писал, что из Рисовальной палаты вынесен ящик с разными рисунками в количестве 237 штук. В числе спасенных оказались, в частности, «30 рисунков разных Сибирских народов деланных красками, 27 рисунков тех же народов тушеванных, 7 рисунков платья Сибирских народов» [Канцелярия Императорской Академии наук. 1747–1750 гг. ... Л. 76]. В данном случае речь идет о спасении тех рисунков, которые ныне хранятся в Архиве РАН в Санкт-Петербурге. Лишь в июле 1748 г. полный список потерь и разъяснение к нему были составлены и поданы ассессором и унтер-библиотекарем Кунсткамеры Иваном Таубертом [Тауберт Иван. Каталоги всем вещам и книгам... С. 1–1 об.]. В этом Каталоге, приложенном к его рапорту в Канцелярию Академии наук, упоминается еще ряд предметов, которые следует отнести к народам Поволжья. Например, в разделе «III. Идолы, статуи и другие подобные фигуры. Шкап XIV» под № 4 значится: «Ящичек, в котором стоят два идола деревянные лоскутьями холстинными обвитые с прорезью крышкою, сквозь которую видны головы оных идолов». Мы допускаем, что здесь может идти речь о тряпичных фигурках чувашских или ханты-мансийских божеств, помещаемых в короб. То же самое можно утверждать и о записи под № 15: «Идол ис пестряди сшитой». В «Шкапе X» под № 146 значится: «Головной убор мордовских жен-

щин с бисером с змиевыми головками с шелехами с медными колокольчиками и с пронисками» [Тауберт Иван. Каталоги всем вещам и книгам... Л. 70—70 об., 98—98 об.]

Этническая принадлежность экспонатов

Атрибутировать этническую принадлежность предметов одежды из коллекции первых десятилетий XVIII в. очень трудно, часто просто невозможно. Это объясняется тем, что народы Волго-Камья (марийцы, мордва, татары, чувашаи) являются наследниками традиционной культуры Волжской Булгарии. Заметные субстраты болгарской культуры имеют место и в культурах башкир, удмуртов, коми, хантов и манси.

Тем более что предметы одежды народов Волго-Камья периода первой половины XIX в. крайне разрознены и не сохранились. А за это время в этом регионе, как и во всей России, произошли сильные изменения в народной культуре. Поэтому сравнивать костюмы начала XVIII в. и XX в. чрезвычайно трудно, тем более говорить об этнической принадлежности, когда речь идет о народах с близкими культурными традициями. Тем не менее некоторые характерные черты проявляются. Например, коллекция марийских и чувашских свадебных платков, богато украшенных вышивкой, принадлежит представителям двух соседствующих диалектов — верховым чувашам и горным марийцам, чьи культуры начиная со средних веков обнаруживают высокую степень близости. Отсюда неточности в определении этнической принадлежности предметов.

Если судить по надписям, сделанным на рисунках, то получается, что из числа экспонатов Петровской Кунсткамеры предметы принадлежали черемисам (6 шт.), вотякам (3 шт.), мордве (3 шт.), татарам (2 шт.) и новгородцам (1 шт.). 25 рисунков не имеют пометок об этнической принадлежности. Согласно надписям на архивных документах, чувашских вещей среди номеров с 374 по 517 не имеется. Однако это не так. О наличии в этой коллекции изображения чувашского головного убора писала Т.К. Шафрановская [Шафрановская 1965: 155]. Исследователь чувашского костюма искусствовед Г.Н. Орков, ознакомившись с рассматриваемой коллекцией рисунков, пишет: «Около 30 предметов, изображенных на этих листах с акварелями, удалось предварительно определить как чувашские; среди них прекрасные ритуальные платки с характерной вышивкой по периметру, свадебные наволочки, пояса. Представлены женская рубаша с четырьмя нагрудными розетками *кёскё*, головной убор типа *тухйи* и др. Некоторые рисунки, конечно, требуют дополнительного изучения для более точной атрибуции» [Орков 1997: 90]. На это справедливо обратили внимание и авторы издания «Нарисованный музей». Согласно им, рисунки под № 428, 432—445, 455—457, 459—463, 467—476 воспроизводят экспонаты, точно принадлежавшие чувашам или возможно принадлежавшие им. Как видим, таких вещей оказалось 32 единицы хранения, т.е. основная масса рассматриваемых предметов. Такое разночтение, полагаем, было вызвано тем, что к началу XVIII в. путешественники еще не выделяли чувашей от других народов Поволжья. Их путали то с горными черемисами, то с татарами. На эту проблему не раз обращали внимание историки (см., например: [Димитриев 2004]).

Рис. 2. Женская чувашская рубаха из холста с вышивкой //
СПФ АРАН. Р. IX. Папка 04. Рис. 432

Реестр рисункам вещей

№ 1. Кафтан суконный с орнаментом синего, зеленого и красного цвета. Удмурты. МІР. Vol. II, p. 97. № 56: *Tunica Tattarica, e lana alba, liciis caeruleis viridibus et rubris distincta*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 5. 6*. Выше карандашом: *Mus. P.p. 97 Tatar*. В правом нижнем углу тушью: *19*. На обороте коричневым карандашом: *19* (эта пометка в книге «Нарисованный музей» (далее — НМ) не указана). Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 460×297 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 374.

№ 2. Верхняя одежда на подкладке; сукно, ткань «китайка». Черемисы. МІР. Vol. II. Р. I, p. 97. № 57: *Tunica Tattarica ex linteo quod Kitay vocant, confecta*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X, n. 57*. Выше карандашом: *Mus. P. p. 97 Tatar*. На обороте коричневым карандашом: *18*. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 452×300 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 375.

№ 3. Портки холщовые. Черемисы. МІР. Vol. II. Р. I, p. 97. № 67: *Braccae Tschermischenses linteae*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 25-67*. Выше карандашом: *Mus. Petr. 97. Черемис*. Рисунок по отношению к надписям нарисован «вверх ногами», т.е. штанинами вверх. На обороте тушью: *16* (или — *91*, смотря как держать лист). Акварель, кисть. Размеры: 455×292 мм. В НМ номер рисунка в шкафу не указан. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 376.

№ 4. Чулки меховые (ворсом внутрь?). Татары. МІР. Vol. II. Р. I, p. 97. № 68: *Tibialia Tattarica*. В правом нижнем углу тушью: *51*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 26* (или — *76*) *68*. Чуть выше карандашом: *Mus. Petr. p. 97*. На обороте коричневым карандашом: *52*. Акварель, кисть. Размеры: 460×298 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 377.

№ 5. Женская рубаха из холста с вышивкой. Черемисы. В МІР этот номер не вошел. В нижнем левом углу: *остяк?* Эта пометка в НМ не указана. Акварель, кисть. Размеры: 465×295 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 385.

№ 6. Праздничный холщовый пояс, вышитый разноцветным шелком. Чуваши. МІР. Vol. II. Р. I, p. 97. № 70: *Similis serico diuersicolore acu pictum*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 28-70*. Чуть выше карандашом: *Mus. Petr. p. 97. Tatar*. В правом нижнем углу перпендикулярно к рисунку: *9½ fuss ist die Zangeur. 70*. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 455×300 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 428.

№ 7. Пояс из шерстяной ткани. Татары. МІР. Vol. II. Р. I, p. 97. № 71: *Cingulum Tattaricum e lana factum*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 29-71*. Выше карандашом: *M.P. p. 97. tatar?* На обороте: *BO (?)*. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 455×298 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 429.

№ 8. Часть набедренника с заостренным концом, с орнаментом в растительном стиле; сукно, мех, вышивка серебряной нитью. Татары. МІР. Vol. II. Р. I, p. 97. № 72: *Cingulum e panno rubro, floribus argenteis acu pictis, ornatum*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 30. 72*. Выше карандашом: *Mus. P. p. 97*. Акварель, тушь, серебряная краска, кисть, перо. Размеры: 453×297 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 430.

№ 9. Женское нагрудное украшение (серьги с жестяными бляшками?), фибула. Мордва. МІР. Vol. II. Р. I, p. 97. № 79: *Inaures laminis bracteatis consertae*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin X.n. 37-79*. Выше карандашом: *MP. p. 98*.

На обороте карандашом: 60. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 455×300 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 431.

№ 10. Женская рубаха из холста с вышивкой. Чуваши. В МІР этот номер не вошел. В правом нижнем углу тушью: 23. Внизу на всю ширину листа: *девятой кунить сего платья приложенъ для того что оставшия четыре кафтана принятых из комісії из тех одинъ переправленъ или внове зделан кои обшиты разными лентами не против натуры*. Выше справа карандашом: *черемисы?* Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 470×295 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 432.

№ 11. Женская рубаха. Чуваши. В МІР этот номер не вошел. В нижнем левом углу была помета, но она перечеркнута и стала неразборчивой. Акварель, тушь. Размеры: 300×460 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 433.

№ 12. Женская рубаха. Черемисы или чуваши. В МІР этот номер не вошел. В левом нижнем углу карандашом (очень бледно): *№: 3*. В правом нижнем углу карандашом: *черемисы?* Акварель, тушь. Размеры: 300×460 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 434.

№ 13. Женская рубаха. Чуваши. В МІР этот номер не вошел. В левом нижнем углу карандашом: *чуваши? Остяк?* Акварель, тушь. Размеры: 300×460 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 435.

№ 14. Женское нагрудное украшение. Черемисы или чуваши. В МІР этот номер не вошел. Внизу тушью: *№ 55*. На обороте карандашом: *98 Поволж фин*. Акварель, тушь. Размеры: 300×460 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 436.

№ 15. Наспинно-наплечное украшение. Черемисы или чуваши. В МІР этот номер не вошел. В левом нижнем углу карандашом: *№ 4*. На обороте карандашом: *60(?)*. Акварель, тушь. Размеры: 297×465 мм (в НМ размеры не указаны). Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 437.

№ 16. Женское головное украшение. Черемисы. В МІР этот номер не вошел. В левом нижнем углу карандашом: *№ 4*. Внизу посередине тушью: *№ 55*. На обороте карандашом: *98 Поволж. фин*. Акварель, тушь. Размеры: 300×460 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 438.

№ 17. Женская рубаха. Чуваши. В МІР этот номер не вошел. В левом нижнем углу очень бледно карандашом: *№ 3*. Акварель, тушь. Размеры: 300×460 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 439.

№ 18. Женская рубаха. Чуваши. В МІР этот номер не вошел. В левом нижнем углу очень бледно карандашом: *№ 3*. Акварель, тушь. Размеры: 300×460 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 440.

№ 19. Женская рубаха. Чуваши. В МІР этот номер не вошел. В левом нижнем углу очень бледно карандашом: *№ 3*. Акварель, тушь. Размеры: 300×460 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 441.

№ 20. Женская рубаха. Чуваши. В МІР этот номер не вошел. В левом нижнем углу очень бледно тушью: 2. Акварель, тушь. Размеры: 300×460 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 442.

№ 21. Свадебный платок, который невеста дарит жениху. Чуваши. В МІР этот номер не вошел. На обороте карандашом: 63. Акварель, тушь. Размеры: 300 460 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 443.

№ 22. Свадебный платок, который невеста дарит жениху. Чуваши. В МІР этот номер не вошел. На обороте карандашом: 83. Акварель, тушь. Размеры: 300 460 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 444.

№ 23. Свадебный платок, который невеста дарит жениху. Чуваши. В МІР этот номер не вошел. На обороте карандашом: 63. Акварель, тушь. Размеры: 300×460 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 445.

№ 24. Праздничный пояс из холста, с вышивкой. Чуваши или черемисы. МІР. Vol. II. Р. I, р. 96. № 69: *Zona s[ive] Cingulum Tattaricum (Ass-Guy-Entes) dictum*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X.n. 77 69*. Чуть выше карандашом: *Mus. Petr. p. 97*. Справа перпендикулярно к рисунку: *8:½ fuss ist der Zänger 69*. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 295×460 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 455.

№ 25. Свадебный платок, который невеста дарит жениху. Черемисы или чуваши. МІР. Vol. II. Р. I, р. 96. № 63–66: *Linteola 4. diuersarum gentium Tattaricarum*. В левом нижнем углу: *Scrin. X.n. 24 66*. Чуть выше: *Mus. Petr. p. 97 Tatar*. На обороте тушью: *134*. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 450×300 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 456.

№ 26. Свадебный платок, который невеста дарит жениху. Черемисы, вотяки или чуваши. МІР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 64: *Linteola 4. diuersarum gentium Tattaricarum*. В левом нижнем углу: *Scrin. X.n. 23 64*. Чуть выше: *Mus. Petr. p. 97 Tatar*. На обороте коричневым карандашом: *103*. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 450×300 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 457.

№ 27. Свадебный платок из холста с вышивкой. Чуваши, вотяки или черемисы. МІР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 58–62: *Calanticae (Zuc) Tzeremisiae, morduaticae, et Tschuvaschenses*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 21 63*. Чуть выше: *Mus. Petr. p. 97*. На обороте в левом нижнем углу тушью: *132*. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 295×450 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 458.

№ 28. Свадебный платок из холста с вышивкой. Чуваши или черемисы. МІР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 58–62: *Calanticae (Zuc) Tzeremisiae, morduaticae, et Tschuvaschenses*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 10 62*. Чуть выше: *Mus. Petr. p. 97*. В правом нижнем углу коричневым карандашом: *126*. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 300×457 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 459.

№ 29. Свадебный платок из холста с вышивкой. Чуваши или черемисы. МІР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 58–62: *Calanticae (Zuc) Tzeremisiae, morduaticae, et Tschuvaschenses*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 61*. Чуть выше: *Вотяк?* На обороте в правом нижнем углу коричневым карандашом: *130*. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 300×460 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 460.

№ 30. Свадебный платок из холста с вышивкой. Чуваши или черемисы. МІР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 58–62: *Calanticae (Zuc) Tzeremisiae, morduaticae, et Tschuvaschenses*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. 10 X. n. 601*. Чуть выше карандашом: *Вотяк? Mus. Petr. p. 97*. На обороте в левом нижнем углу тушью: *119* (эта пометка в НМ не указана). Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 295×453 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 461.

№ 31. Свадебный платок из холста с вышивкой. Чуваши или черемисы. МІР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 58–62: *Calanticae (Zuc) Tzeremisiae, morduaticae, et Tschuvaschenses*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 18 60*. Чуть выше карандашом: *Черемис? Mus. Petr. p. 97*. На обороте в правом нижнем углу коричневым карандашом: *123* (эта пометка в НМ не указана). Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 300×455 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 462.

№ 32. Свадебный платок из холста с вышивкой. Чуваши или черемисы. МИР. Vol. II. P. I, p. 97. № 58–62: *Calanticae (Zuc) Tzeremisticae, morduaticae, et Tschuvaschenses*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 7 59*. Чуть выше карандашом: *Черемисы? МР. p. 97*. На обороте в правом нижнем углу коричневым карандашом: 463 (судя по почерку, эта помета сделана в XX в.). Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 460×295 мм. Источник: СПФ АРАН. P. IX, оп. 4. Ед. хр. 463.

№ 33. Платок шелковый. Черемисы. МИР. Vol. II. P. I, p. 97. № 58–62: *Calanticae (Zuc) Tzeremisticae, morduaticae, et Tschuvaschenses*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 6 58*. Чуть выше карандашом: *МР. p. 97 (Черемисы?)*. На обороте коричневым карандашом: 118. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 458×300 мм. Источник: СПФ АРАН. P. IX, оп. 4. Ед. хр. 464.

№ 34. Женская холщовая рубаха с шелковой вышивкой преимущественно красного цвета. Удмурты или черемисы. МИР. Vol. II. P. I, p. 97. № 55: *Tunica Tzeremiss, muliebris lintea serico rubro variegata, cum omni adparatu*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 3 55*. Чуть выше карандашом: *Мордва? Остяк? Черемис. Mus. Petr. p. 97*. На обороте в правом нижнем углу коричневым карандашом: 22. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 453×300 мм. Источник: СПФ АРАН. P. IX, оп. 4. Ед. хр. 465.

№ 35. Праздничная женская холщовая рубаха, вышитая синей и красной шерстью. Мордва. МИР. Vol. II. P. I, p. 97. № 54: *Tunica Tattar. Baratorum coloris lutei lana coerulea et rubra acu picta*. В правом нижнем углу тушью: 10. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. N. 2 54*. Чуть выше: *Мордв. Mus. Petr. p. 97 Barator*. На обороте коричневым карандашом: 20-10. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 455×295 мм. Источник: СПФ АРАН. P. IX, оп. 4. Ед. хр. 466.

№ 36. Праздничный женский кафтан из холста, окрашенного в желтый цвет; с вышивкой. Чуваши. МИР. Vol. II. P. I, p. 97. № 53: *Vestis Tattarorum Morduatium muliebris*. В правом нижнем углу тушью: 3. В левом нижнем углу тушью: № 6. Внизу в середине тушью: *Scrin. X. n. 4 53*. Чуть выше карандашом: *Mus. P. p. 97 Мордов*. На обороте коричневым карандашом: 3. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 455×295 мм. Источник: СПФ АРАН. P. IX, оп. 4. Ед. хр. 467.

№ 37. Платок жениха. Черемисы. МИР. Vol. II. P. I, p. 97. № 63–66: *Linteola 4. Diuersarum gentium Tattaricarum*. В левом нижнем углу: *Scrin. X. n. 20*. На обороте коричневым карандашом: 121. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 295×458 мм. Источник: СПФ АРАН. P. IX, оп. 4. Ед. хр. 468.

№ 38. Платок жениха. Черемисы. МИР. Vol. II. P. I, p. 97. № 63–66: *Linteola 4. Diuersarum gentium Tattaricarum*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 19*. Чуть выше карандашом: *Mus. Petr. p. 97. N 63–66 выклады Новгор. ?* Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 460×300 мм. Источник: СПФ АРАН. P. IX, оп. 4. Ед. хр. 469.

№ 39. Платок жениха. Чуваши или черемисы. МИР. Vol. II. P. I, p. 97. NN 58–62: *Calanticae (Zuc) Tzeremisticae, Morduaticae, et Tschuvaschenses*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 18*. Чуть выше: *Mus. Petr. p. 97 N 63–66*. На обороте в левом нижнем углу тушью: 120. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 300×460 мм. Источник: СПФ АРАН. P. IX, оп. 4. Ед. хр. 470.

№ 40. Платок жениха. Чуваши или черемисы. МИР. Vol. II. P. I, p. 97. № 63–66: *Linteola 4. Diuersarum gentium Tattaricarum*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 16*. Чуть выше карандашом: *Mus. Petr. p. 97 N 63–66*. На обороте

в левом нижнем углу тушью: 117. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 300×460 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 471.

№ 41. Платок жениха из холста с вышивкой. Черемисы или чуваша. МИР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 63–66: *Linteola 4. diuersarum gentium Tattaricarum*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 15*. Чуть выше: *Mus. Petr. p. 97-95? N-63-66*. На обороте в левом нижнем углу тушью: 122. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 295×460 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 472.

№ 42. Платок жениха. Черемисы или чуваша. МИР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 63–66: *Linteola 4. Diuersarum gentium Tattaricarum*. В левом нижнем углу: *Scrin. X. n. 14*. На обороте в левом нижнем углу тушью: 119. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 460×... (порван) мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 473.

№ 43. Платок жениха. Черемисы или чуваша. МИР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 63–66: *Linteola 4. Diuersarum gentium Tattaricarum*. В левом нижнем углу: *Scrin. X. n. 17* (может, 12). На обороте в правом нижнем углу коричневым карандашом: 124. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 300×450 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 474.

№ 44. Платок жениха. Вотяки или черемисы. МИР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 58–62: *Calanticae (Zuc) Tzeremisiae, morduaticae, et Tschuvaschenses*. В левом нижнем углу: *Scrin. X. n. 11*. На обороте в правом нижнем углу коричневым карандашом: 125. Размеры: 452×300 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 475.

№ 45. Платок жениха. Черемисы или вотяки. МИР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 58–62: *Calanticae (Zuc) Tzeremisiae, morduaticae, et Tschuvaschenses*. В левом нижнем углу: *Scrin. X. n. 8*. Чуть выше карандашом: *Вотьяк?* На обороте в правом нижнем углу коричневым карандашом: 120. Размеры: 295×458 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 476.

№ 46. Женский головной убор: береста, холст, свинец, медь и бусы. Мордва, удмурты или черемисы. МИР. Vol. II. Р. I, р. 99. № 87: *Ornamentum capitis mulierum Morduienens. lamellis bracteatis ornatum, corallisque distinctum*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 45 87* (возможно, вместо цифры 45 следует читать 15; цифра 87 написана карандашом). Чуть выше карандашом: *M. P. p. 98 Mordwin*. На обороте в правом нижнем углу коричневым карандашом: 3. Акварель, кисть, перо. Размеры: 445×300 мм. Источник: СПФ АРАН. Р. IX, оп. 4. Ед. хр. 517.

№ 47. Удмурты. Источник: СПФ АРАН. Ф. 98, оп. 1. № 5, л. 122.

№ 48. Мордва. Источник: СПФ АРАН. Ф. 3, оп. 32. № 11, рис. между л. 55 и 55а.

№ 49. Мокша. Источник: СПФ АРАН. Ф. 3, оп. 32. № 11, рис. между л. 73 и 73а.

Примечания

Вместо «На обороте красным карандашом», как везде указано в книге «Нарисованный музей», следует читать «На обороте коричневым карандашом», как это на самом деле. Кроме того, следует указать конкретное местоположение этой пометки. Например: «На обороте рисунка внизу справа надпись коричневым карандашом: 123».

НМ — «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук: 1725–1760. Т. I. СПб.: Европейский дом, 2003; Т. II. СПб.: Европейский дом, 2004.

На обороте рисунков — надписи, указывающие порядковый номер листа в коробках.

Надпись тушью в нижнем левом углу означает номер шкафа, где хранился данный экспонат.

МIP — Musei Imperialis Pertopolitani. Vol. I—II. SPb., 1741, 1745.

X — Scrin. X (шкаф X).

Итак, инициатором и распорядителем экспедиций, в которых впервые были добыты образцы одежды народов Волго-Камья, был лично Петр I.

Коллекция вещей, с которых выполнены рассматриваемые рисунки, была собрана в экспедиции Даниилом Мессершмидтом в 1719–1727 гг. В 1741–1747 гг. эта коллекция была пополнена. Рассмотренные рисунки принадлежат Даниилу Мессершмидту и Георгу Унферцагту, а поздние — художникам из Типографии Петербургской Академии наук. Образцы одежды, привезенные Даниилом Мессершмидтом, принадлежат марийцам, мордве, татарам, удмуртам, чувашам и новгородцам. Даты их сбора и поступления в Кунсткамеру определяются 1719–1728 гг., более поздние — 1741–1747 гг. Дальнейшие находки и исследования должны расширить и уточнить тему. Но роль Даниила Мессершмидта и Георга Унферцагта останется бесспорной. Д.Г. Мессершмидта можно смело назвать основателем этнографических коллекций Кунсткамеры и первым исследователем этнографии народов Волго-Камья.

По состоянию на время пожара 5 декабря 1747 г. экспонаты по народам Волго-Камья и Сибири находились в шкафах под № 9–14 на западной галерее второго этажа Кунсткамеры (по три шкафа слева и справа от входа), где ныне размещены шкафы с библиотечными книгами. Дальнейшие разыскания непременно восстановят всю картину размещения экспонатов в этих шести шкафах.

Предлагаемая статья — попытка реконструкции первых экспозиций Кунсткамеры по состоянию на первую половину XVIII в. Исследование представляет собой первый опыт изучения темы «Одежда народов Волго-Камья в первой половине XVIII в.». Оно открывает широкий путь для сравнительных исследований одежды народов Волго-Камья начала XVIII в., с одной стороны, и второй половины XVIII, XIX, XX, XXI вв. — с другой, и таким образом дает возможность проследить эволюцию костюма.

Библиография

Андреев А.И. Сибирские зарисовки первой половины XVIII в. // *Летопись Севера*. 1949. № 1. С. 123–135.

Биярский [П.С.] Материалы для биографии Ломоносова. СПб.: Тип. Имп. АН, 1865. 820 с.

Винтер Е. Научное исследование Сибири в петровское время: семилетняя научная экспедиция Д.Г. Мессершмидта в Сибирь (1720–1727). М.: Наука, 1971. 14 с.

Гравировальная палата Академии наук XVIII века: Сб. документов. Л.: Наука, 1985. 294 с.

Димитриев В.Д. Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: Сб. статей. Чебоксары: ЧГУ, 2004. 311 с.

Кириллов И.К. Генеральная карта Российской империи. Гравер Г.И. Унферцагт. 55,1×88,7 см. СПб.: Петербург. АН, 1734. 1 л.

Кистемакер Р.Э., Копанева Н.П., Мейерс Д.Й., Вилинбахов Г.В. Введение // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук: 1725–1760. СПб.: Европейский дом, 2003. Т. I. С. 5–15.

Копанева Н.П. «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук: цели создания и практическое использование // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук 1725–1760. СПб.: Европейский дом, 2004. Т. II. С. 5–20.

Копанева Н.П. О реконструкции первых отечественных коллекций Кунсткамеры: на примере собрания Д.Г. Мессершмидта // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LVIII. Петровское время в лицах. 2011. К 30 летию отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981–2011). Материалы научной конференции. СПб., 2011. С. 226–233.

Копанева Н.П. О приглашении Даниила Готлиба Мессершмидта в Россию // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 174–180.

Летопись Российской академии наук. СПб.: Наука, 2000. Т. I. 1724–1802. 994 с.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 10. Служебные документы, письма 1734–1765 гг. М.; Л.: Изд. во АН СССР, 1957. 936 с.

Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1 (1716–1730). СПб.: Тип. Имп. АН, 1885. IV, 732 с.

Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. IV (1739–1741). СПб.: Тип. Имп. АН, 1887. IV, 825 с.

Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. VI. История Академии наук Г. Ф. Миллера с продолжениями И. Г. Штриттера (1725–1743). СПб.: Тип. Имп. АН, 1890. II, 636 с.

Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. VIII (1746–1747). СПб.: Изд. Имп. АН, 1895. II, 794 с.

Мессершмидт Д.Г. Дневник путешествия из Тобольска через Тару, Томск и дальше в Сибирском государстве // Исторический архив. 2003. № 2. С. 25–40.

Мессершмидт Д.Г. Извлечения из путевого дневника // Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1888. С. 9–19.

Миллер Г.Ф. Избранные труды. М.: Янус, 2006. 815 с., ил.

Музей антропологии и этнографии. Основан в 1837 году. Л.: МАЭ АН СССР, 1925. 28 с., ил.

Напольских В.В. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта: дневниковые записи, декабрь 1726. Ижевск: Удмуртия, 2001. 224 с.

Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 184 с.

Орков Г.Н. Изобразительные материалы по чувашскому народному костюму (графика и живопись. XVIII–начало XIX в.) // Материалы по этнографии и антропологии чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. С. 88–117.

Павлинская Л.Р. Рисунки коллекций Петербургской Кунсткамеры XVIII в. с предметов культуры народов Сибири и Поволжья // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук: 1725–1760. СПб.: Европейский дом, 2003. Т. I. С. 253–256.

Палаты Санкт-Петербургской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в ней художественных и натуральных вещей... СПб.: Имп. АН, [1741]. 2, 26, XI табл.

Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: Общественная польза, 1862. Т. I. VI, 579 с.

Салмин А.К., Терюков А.И. Первая музейная коллекция одежды народов Волго-Камья в Кунсткамере Санкт-Петербургской Академии наук // Вестник Удмуртского университета: История и филология. 2010. Вып. 3. С. 42–51.

Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII в. СПб.: Эклектика, 2004. 436 с., ил.

Семенов С.В. Именной указатель // Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб.: Эклектика, 2004. С. 399–429.

Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). Л.: Наука, 1978. 287 с.

Стецкевич Е.С. Художественные палаты Петербургской Академии наук и создание рисунков экспонатов Кунсткамеры // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук: 1725–1760. СПб.: Европейский дом, 2003. Т. I. С. 44–55.

- Терюков А.И., Салмин А.К. Первая коллекция одежды народов Волго Камья // Радловский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 158–162.
- Титова З.Д. Путешествие по указу Петра I: из дневника Д.Г. Мессершмидта исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг. // Исторический архив. 2003. № 2. С. 21–40.
- Унферцагт Г.И. Записки о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. / Пер. Т.К. Шафрановской // Русско-китайские отношения в XVIII в.: Материалы и документы. М.: Гл. ред. восточ. лит. ры, 1978. Т. 1. 1700–1725. С. 555–584, 647–649.
- Унферцагт Г.И. Генеральная карта Российской империи. Гравированная. СПб.: Петербург. АН, 1734. 1 л.
- Унферцагт Г.И. План Императорского столичного города Санкт-Петербурга. Гравированный. 392×613 мм. СПб.: Петербург. АН, 1737. 1 л.
- Унферцагт Г.И. План Императорского столичного города Санкт-Петербурга. Гравюра на меди. 39×61 см. СПб.: Петербург. АН, 1741. 1 л.
- Шафрановская Т.К. Часть II // Карпеев Э.П., Шафрановская Т.К. Кунсткамера. СПб.: Алмаз, 1996. С. 95–178.
- Шафрановская Т.К. О сокровищах Петровской Кунсткамеры (по рисункам XVIII века) // Советская этнография. 1965. № 2. С. 147–156.
- Штернберг Л.Я., Ольденбург С.Ф., Адлер Б.Ф., Петри Е.Л., Лудевиг Ю.В., Романова Е.М. Музей антропологии и этнографии за 12 летие управления В.В. Радлова // Ко дню семи десятилетия Василия Васильевича Радлова. 5 января 1907 года. СПб.: Тип. Имп. АН, 1907. С. 27–106.
- Элерт А.Х. Немецкие ученые-путешественники и научное открытие Сибири // История и этнография немцев в Сибири. Омск: Омск. гос. ист.-краевед. музей, 2009. С. 13–27.
- Эренсверд У. Географические карты противника // Полтава: Судьбы пленных и взаимодействие культур. М.: РГГУ, 2009. С. 233–257.
- Ярош Г. Ф.И. Табберт Страленберг – спутник исследователя Сибири Д.Г. Мессершмидта // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1968. № 1. Вып. 1. С. 68–72.
- Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin: Akademie Verlag, 1962. Т. 1. Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722. VIII, 379 S., III.
- Musei Imperialis Petropolitani. Vol. II: Pars prima qua continentur res artificiales. Petropolitanae: Typis Academiae scientiarum, 1741. 280 p.
- Mühlpfordt G. Halle Rußland Sibirien Amerika: Georg Wilhelm Steller, der Hallesche Kolumbs, und Halles Anteil an der frühen Osteuropa- und Nordasienforschung // Halle und Oseropa: Zur europäischen Ausstrahlung des hallischen Pietismus. Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH & Co., 1998. S. 49–82.
- [Pallas P.S.] Nachricht von D. Daniel Gottlieb Messerschmidts siebenjähriger Reise in Sibirien // Neue Nordische Beiträge zur Phisikalischen und Geographischen Erde und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. Bd. 3. St. Pet.; Leipzig: Johann Zacharias Logan, 1782. S. 97–158.
- Prosès verbaux des séances de l'Académie Imperiale des sciences depuis sa foundation jusqu'à 1803. СПб.: Имп. АН, 1897. Т. I. 1725–1743. 869 p.
- Strahlenberg Ph.J. Das Nord und Östliche Theil von Europa und Afia. Stockholm: Autoris, 1730. 6, 438, 165 S., XII tabl.
- Unverzagt G.J. Die Gesandtschaft Ihro Kayserl. Majest. von Groß Rußland an den Chinesischen Kayser. Lübeck: Johann Christian Schmidt, 1725. 168 S.
- Winter E. Halle als Ausgangspunkt der Deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin: Akad. Verl., 1953. VIII, 502 S.

Архивные материалы

- Мессершмидт Д.Г. Переписка до приезда в СПб. (1776–1718 гг.). Рапорты и переписка за 1723–1728 гг. Из Архива РАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 21. Пер. с нем. Лаппо Стороженецкой // Архив МАЭ РАН. К III. Оп. 1. Д. 4. 85 л.
- Канцелярия Императорской Академии наук. 1726 г. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. 536 л.
- Канцелярия Императорской Академии наук. 1734–1736 гг. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14. 844 л.

Канцелярия Императорской Академии наук. 1735–1740 гг. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15. 666 л.

Канцелярия Императорской Академии наук. 1739 г. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49. 449 л.

Канцелярия Императорской Академии наук. 1743–1747 гг. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. 376 л.

Канцелярия Императорской Академии наук. 1747–1750 гг. // СПФ АРАН. ф. 3. Оп. 1. Д. 112. 517 л.

Канцелярия Императорской Академии наук. 1744–1747 гг. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 842. 192 л.

Тауберт Иван. [Каталоги всем вещам и книгам, которые в пожаре 5 декабря 1747 г. в Кунсткамере сгорели и исчезли]. Июль 1748 г. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2247. 120 л.

Канцелярия Императорской Академии наук: Записные тетради о приходе и уходе служителей Академических палат, приказы и инструкции. 1733–1745 гг. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 1. 117 л.

Канцелярия Императорской Академии наук: Приказы, инструкции, переписка о зарплате, списки мастеровых и учеников, ведомости на материалы, отчетные репорты о выполненных работах. 1730–1750 гг. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 17. 53 л.

Канцелярия Императорской Академии наук: Академические палаты: Личные дела: А. К. 1740–1801 гг. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 94. 67 л.

Дневник академика П.С. Палласа с записью его наблюдений по экспедиции 1768–1774 гг. На немецком языке. 1768 г. // СПФ АРАН, Ф. 3. Оп. 32. Д. 11. 128 л.

Миллер Г.Ф. Реестры, индексы, каталоги, регистры... 1733–1747 гг. // СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 121. 203 л.

Messerschmidt D. G. Ephemerides...1726 J. // СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. 375 л.

Messerschmidt D. G. Ephemerides... 1720–1722 JJ. // СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. 136 л.

Messerschmidt D. G. Ephemerides...1717–1729 JJ. // СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 21. 172 л.

Messerschmidt D. G. Sibiria perlustrata seu Pinax triplicis naturae regni... 1719–1728 JJ. // СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. 394 л.

Messerschmidt D. G. Автобиографические записки // СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 40. 1 л.

Messerschmidt D. G. Документы по делу ареста привезенных из Сибирского путешествия коллекций. 1727 г. // СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 42. 5 л.

Messerschmidt D. G. Карта маршрута путешествия Москва–Тобольск. 1720 г. // СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 2. Д. 1. 1 л.

РАН: Журнал материальных поступлений МАЭ. 1719–1828 гг. // СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 1. 12 л.

Описи рисунков предметов Кунсткамеры, находящихся в шести папках футлярах в МАЭ РАН, с расписками акад. И.А. Орбели в получении их во временное пользование в Эрмитаж. 1922 г. // СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1922 г.). Д. 6. 11 л.

Зеленин Д.К. Описание коллекций, описи вещей, поступивших в Музей этнографии АН из ГО и от разных лиц, список этнографических предметов, отосланных для обмена в Гамбургский музей в сент. 1913 г. и переписка о приобретении коллекции. 1897–1913, после 1924 г. // СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 2. Д. 151. 147 л.

Рисунки предметов, хранившихся в Кунсткамере в XVIII в. // СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. № 1. 760.

Собрание гравюр (с гравированных досок) XVIII в. // СПФ АРАН. Р. XII. Оп. 2. Д. 12. 64 л.